

«Болжеский комментарий Куйбышев 1. дек. 1963 г.»

Кончилась премьера «Матери», зрители потянулись вниз, в театральном гардеробе среди обычного шума то и дело вспыхивали обрывки разговоров. ...Весовщиков хорош, натурален... — А кто его играет? — Морозов... Говорят, из студийцев... * * *

Мы сидим в гримировочной. Разговор явно не клеится. Мысли актера сейчас на сцене. Весовщиков-Морозову предстоит трудная сцена — первый приход из тюрьмы. Эта сцена — ключ ко всему характеру Весовщикова: порывистому, трудному, по словам Находки, «коптящему, как не погасшее пламя».

И как раз эта сцена вызвала у Ивана Морозова больше всего затруднений на репетициях. Мучился сам, мучил режиссера. Искал, упорно искал...

Из тюрьмы в 4-й картине Весовщиков приходит, так и не поняв всей важности революционной агитации, рвущимся «в драку» сию минуту. И оттого, что его в эту драку не пускают товарищи, Николай потерян, взволнован...

Сцена «не пла», Волнения получались ненатуральными, какими зритель их ни за что не примет. А уж если зритель не поверит актеру в ключевой сцене, то можно сказать, вся роль «смазана». Надо было найти и запомнить «настроение», с которым предстояло выходить потом на сцену.

Бывает, что это настроение приходит не на репетиции, а, на первый взгляд, случайно, в самой неожиданной ситуации. Вероятно, и сам Иван не мог бы ответить, почему «настроение» четвертой картины пришло к нему в то время, как он спускался по лестнице, перетащив несколько тяжелых вещей в свою квартиру. Да и не это главное. Самое трудное было впереди: суметь вызвать в себе это настроение в нужный момент, «запомнить» его. Но почему он все-таки на-

шел его? Да потому, очевидно, что все время искал, искал упорно, настойчиво...

Снова репетиции. «Пойманы» какие-то недостающие штрихи, оттенки. Снова и снова повторяется сцена: надо как следует все запомнить, чтобы не «расте-

рять эмоций», когда выйдет один на один со зрительным залом.

А на сцене в 4-й картине Иван Морозов находится всего минут десять, не больше. Но цель достигнута — роль «пошла».

Банальная, казалось бы, истина: талант — это труд. Но какая все-таки верная!

* * *

Опять мы сидим в гримировочной. Расспрашиваю о жизни.

Что ж, жизнь как жизнь... Родился в деревне. В детстве мечтал стать худож-

ником, «испачкал немало бумаги». Потом переехал в Куйбышев, поступил на 4-й ГПЗ.

У меня на языке, конечно, все время вертится вопрос:

— Когда Вы решили стать артистом?

Трудно ответить на этот вопрос. Призывание зреет в человеке подспудно, скрытно и, только сформировавшись вполне, охватывает вдруг всю душу, заставляет куда-то мчаться, что-то решать. Наступает перелом...

В армии Иван Морозов служил на Камчатке. Служба не из легких. Выковывается характер, дисциплинируется воля. Однажды солдаты смотрели спектакль Горького «Старик». И вышло так, что Горький, любимый писатель Морозова, как бы вынул ему мысль стать актером.

Иван посылает документы в студию при МХАТе, в Москву. Кончалась служба. Пришел и вызов из Москвы... Но — обидная случайность: опоздал к началу приемных экзаменов.

Снова Куйбышев, снова 4-й ГПЗ. Иван много читает, часто ходит в театр, ждет приемных экзаменов в студию...

* * *

Наш разговор снова прерывается.

Сцена убийства Исаа. Очень короткая сцена, но в ней Морозов, как в миниатюре, сумел показать разные стороны характера своего героя.

Темный пустырь. На сцене — старичок Исай, напевающий свою бессмысленную

песенку. Появляется Весовщиков.

«Попался!» — говорит Николай быстро и неуверенно. Удар по голове...

И вот перед Весовщиковым лежит жалкий, беспомощный старик — предатель Исай. Взгляд на свои руки, сделавшие это: — Зачем? Зачем? — голос почти умоляющий...

Вот и все. Короткая сцена, но в ней и потрясение неожиданной грубостью жизни, и неуверенность в своем праве убить человека за то, что он — предатель, и еще многое, чего не передать словами, что становится ясным только зрителю...

* * *

— Как Вы представляли себе труд актера до поступления в студию?

— Почти никак. По книгам...

Учеба в студии поначалу очень удивила Ивана. Например — речь. Раньше говорил, как получится, понимал — и ладно. Теперь это не годилось. Речь актера должна быть понятна любой публике, всему залу, то есть — выдержанной в фонетических нормах русского литературного языка. Пришлось отучаться от колоритного полжского «о», от деревского «шканья».

Или, например, мастерство актера. Легко ли без всяких слов, одной мимикой и жестами передать в немом этюде движения души. А ведь все это — лишь «азы» актерского мастерства. С трудом давались ему эти самые «азы».

Студию Ване Морозову

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

Новое имя

охотно помогали товарищи, преподаватели, весь коллектив театра. Да и могло ли быть иначе? Ведь труд в театре — это прежде всего труд в коллективе.

Вчерашнему студийцу Морозову далеко пока до своей «безукоризненной формы». Да и когда он многого достигнет, застынет ли он на месте? Нет, ведь талант шлифуется всю жизнь.

Сразу по окончании студии Иван Морозов много репетирует, ему предстоит немало сыграть уже в ближайшее время. Я спрашивал, о какой роли он мечтает: «Мечтаю сыграть современника, рабочего человека».

* * *

Спектакль окончен. Зрители аплодируют, занавес падает несколько раз. В этих аплодисментах — небольшая доля Ивана Морозова. И эти аплодисменты обязывают. Ведь у него еще все впереди. Двадцать пять лет — это для актера только начало...

Появление нового имени в театре всегда дорого. В самое ближайшее время зритель не раз встретится с Иваном Морозовым. Будем надеяться, что встречи эти укрепят первое впечатление от актера.

А. БОГОЛЮБОВ.